

Валентина Ульянова

Жажда

Исторические повести

Валентина В. Ульянова

Жажда

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69921508

*Жажда. / Ульянова В. В.: Общественная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков; Краснодар; 2023
ISBN 978-5-907694-74-3*

Аннотация

Действие повести «Жажда» происходит в первой половине XV века, когда Русь страдала не только от набегов казанских войск, но и от княжеских междоусобиц. Молодой дворянин Бунко мечтает защищать отечество под водительством достойного государя. Но его заветные идеалы разбиваются в прах, когда он становится свидетелем жестокости, несправедливости, малодушия, коварства и лжи многих князей. Ему предстоит пройти опасными, крутыми путями среди заговоров, измен, предательств, боев и поражений, встретить любовь и почти потерять ее, чтобы найти наконец главную истину, которая поможет ему преодолеть отчаяние, обрести и смысл его жизни, и счастье...

Повесть «Возле власти» посвящена судьбам двух женщин начала XVI столетия: первой жены великого князя Василия III Соломонии Сабуровой, которую он велел насильно постричь в монахини, и его второй жены – молодой красавицы Елены

Глинской. Действительно ли Соломония родила в монастыре сына, которого так боялся спустя многие годы сын Елены Иоанн Грозный? Какова роль боярина Ивана Овчины в судьбе Елены и в истории? Почему так рано умерла Елена, оставив сиротами сыновей? Все ли казненные ею действительно были виновны в заговорах? Автор-историк дает уникальную версию ответов на эти и многие другие загадки того судьбоносного времени, определившего пути России на многие годы вперед.

Повесть «Возле власти» была опубликована в 1993 году в журнале Московской организации писателей «Московский вестник» (1993, № 5–6). Настоящее издание – исправленное и дополненное автором.

Содержание

Жажда	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	31
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	43
Глава 11	49
Глава 12	51
Глава 13	55
Глава 14	58
Глава 15	63
Глава 16	66
Глава 17	71
Глава 18	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Валентина Ульянова

Жажда.

Исторические повести

© Валентина Ульянова, 2023

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков, 2023

Жажда

*Кто жаждет, иди ко Мне и пей...
кто будет пить воду, которую
Я дам ему, тот не будет жаждать вовек.
Ин. 7:37; 4:14.*

Высшая и самая резкая характеристическая черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда ее... Никаким давлением... не искоренишь в сердце народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего.

Ф. М. Достоевский

Глава 1

Бунко

– Уж ты не брани его, Федор Лукич, парень-то прав, хоть и горя-ченек! – ласково усмехаясь в густую черную бороду, неторопливо пробасил Данила Романыч, сосед по поместью и добрый, давнишний друг хозяина дома, рязанского дворянина Федора Лукича.

– Горяченек! – ударил кулаком по столу Федор Лукич, с гневом взглянув сверху вниз на стоявшего перед ним малыша.

Рубашонка его была разорвана на плече, щека расцарапана и перемазана кровью. Он вздрогнул от стука отцовского кулака, но не поднял упрямо уставленных в угол глаз, только сильнее сдвинул темные бровки.

– Ты почто Андрейку-то так избил?! Как рука твоя поднялась на гостя?! – грозно пророкотал Федор Лукич.

В ответ мальчонка поднял наконец глаза и прямо посмотрел на отца. Глаза оказались сухие, возмущенные и отважно-упрямые.

– А что он Юшку дразнил?! – его голос звенел возмущением. – Юшка заплакал даже! Что же, что он дурачок – он добрый! А Андрейко злой!

Федор Лукич растерянно промолчал.

– Ну что ты скажешь! – вновь усмехнулся Данила Ро-

маныч. – Племянник мой виноват. Теперь он уснул, а уж утром я с ним побеседую.

– Все едино не дело с гостем так обходиться, – нашел наконец что сказать Федор Лукич. – Слышишь, Егор?! Нецело!

Мальчик снова нахмурился, уставив в пол непокорный взгляд. И вдруг твердо изрек:

– А Юшку он больше дразнить не будет.

Гость поглаживал ладонью усы, скрывая улыбку, а глаза его так и искрились смехом. А отец сказал почти примиренно:

– Ну, будет перечить. Ступай-ко спать.

Егор быстро взглянул на отца, на гостя – и его точно ветром сдуло.

В темных сенях, сразу за дверью, его удержала за руку мать:

– Егорка, поди умойся!

Он послушно прошел за нею на кухню, наклонил умывальник над деревянной лоханью и, пофыркивая, стал умываться. Мать, разглядывая его исцарапанное лицо, сказала с ласковым укором:

– Экой ты у меня... заступник... горяченек... Ах, трудно будет тебе, буйной головушке...

– Ну и пусть, – упрямо поднял мокрый подбородок Егор, – ведь я прав, ведь прав же?!

Детские ясные глаза смотрели на нее снизу вверх требовательно и возмущенно.

– Эх ты, – вздохнула мать. – Прав! Экой ты... Буянко... Бунко!

– Ну и пускай – Бунко! – повторил малыш – и вдруг засмеялся звонко, рассыпчато, захлебываясь в радостной беззаботности девяти мальчишеских лет. – Бунко!

С этого дня никто никогда не называл его иначе.

Глава 2

«Чтобы свеча не угасла»

В этот же вечер, в этот же час, в дальней дали от рязанской маленькой деревушки, в самом сердце стольного града Москвы, в кремлевском кабинете великого князя прозвучали те же слова:

– Трудно будет тебе, сынок... – задумчиво произнес великий князь Московский и Владимирский Василий Димитриевич, с тяжелой думой в усталых глазах глядя на неоконченное завещание, над которым склонился дьяк Тимофей.

Писец старательно вывел последнее продиктованное слово, положил перо и поднял ожидающие глаза на князя.

– Обожди меня здесь, – велел великий князь, поднялся с тронного кресла и направился в верхние покои попрощаться на ночь с сыном.

Старушка нянька давно уже уложила его в постель, но спать ему совсем не хотелось, он безжалостно теребил мягкий мех одеяла и, едва она окончила сказку, немедленно попросил:

– Нянюшка, пожалуй, еще что-нито Расскажи...

Та устало вздохнула:

– Спи, засыпай, Васенька, голубчик! Завтра к утрене рано вставать, потом отец Иоанн учить тебя придет: будет бра-

нить меня, что ты-де сонный, как намедни бранил. И истинно: тебе, государь мой, много учиться надо. Великий путь пред тобой! Ведь ведаешь, тебе даже имя сам ангел Господень нарек!

– Расскажи! – слышалось из пышных подушек.

– Да я рассказывала тебе! Сколь раз...

– А ты изнова расскажи!

Нянька устало оперлась полными локтями о подлокотники стула, прикрыла глаза, вздохнула и тихо, напевно заговорила:

– Ну, коли так, слушай, княжич... В самый тот день и час, когда Господу было угодно даровать тебя твоей матушке, духовник батюшки твоего молился Господу в келье своей... И вдруг слышит он, как некто ударил в дверь и проговорил: «Иди нареки имя великому князю Василию». Он тотчас же встал и вышел, но никого не оказалось за дверью. Подивился он тому диву дивному и пошел на княжеский двор. И вот, по дороге сюда, встретил он посланного к нему, и тот посланный ему говорит: «Иди нареки имя рожденному сыну великого князя». Инок его спросил: «Ты ли сейчас приходил к келье моей?» Но тот сие отрицал. Еще пуще подивился инок. И пошел ко двору, и нарек имя тебе: «Василий», – и всем поведал чудо сие, и всех удивил.

– Так это ангел? Ангел прорек ему обо мне?! – сев на постели, восторженно воскликнул малыш.

– Вестимо так, ангел Божий, – ласково подтвердила ста-

рушка. — Знать, дела велии тебя ожидают, княжич!

Мальчик гордо и даже торжественно кивнул головой. А нянька вдруг спохватилась, всплеснула руками:

— Ох, да что это я, неразумная! Так-то ты засыпаешь, голубочек наш! Ложись-ко в подушечки, а я укрою тебя!

И она с таким усердием захлопотала вокруг ребенка, что не заметила, как колыхнулись занавесы, скрывавшие дверь, что вела в покои его отца...

Великий князь, расстроенный тем, что услышал, вернулся к себе, так и не благословив сына на ночь.

«Глупые бабы! — досадовал он. — Испортят, захвалят мальчишку! Пора отдавать его в мужеские руки. Завтра же назначить дядьку. А то — загордится, возомнит о себе. А что его ждет? Престол его будет шаток: родные дядья первые бросятся на него, как голодные волки, — сами зарятся на Москву».

Вот только что — и свежа еще боль от ссоры — он, Василий, согнал с удела брата Константина, взял под стражу его бояр. Не желают признать права племянника на престол Московский, завешание их отца, Дмитрия Иоанновича, толкуют по-своему. Криво толкуют! Себе все хотят! Брат Константин, злобствуя на него, великого князя, уехал в Новгород, вечное гнездо бунтарей, и что-то еще он там затевает! Да и братец Юрий ему под стать, если не хуже...

И не разумеют того, что наследовать престол великого

князя не следует братьям, а только сыну его. Чтобы не сменялись без конца на престоле князья, а возле него – бояре-советники, чтобы не лихорадило власть, чтобы крепка была Русь преемством правления.

Ведь мало внутренних нестроений, мора и голода, сколько врагов у многострадальной русской земли? Татары, немцы, ляхи, литва – все норовят покорить ее! Что-то будет?!

Тяжко вздохнул великий князь. Чувствовал он, что ему недолго осталось жить. На кого оставит он сына?! На кого оставит он Русь? Всю жизнь он трудился, чтобы держава была крепка, чтобы ее не сгубили, не растерзали междоусобные брани, «чтобы свеча не угасла», как некогда написал в духовной дядя отца, князь Симеон, как завещал и отец, Дмитрий Донской.

Василий вошел в кабинет, где терпеливо ждал его дьяк, склонясь над неоконченным завещанием, и велел:

– Пиши: «А сына своего князя Василья благословляю своею вотчиною великим княженьем, чем мя благословил мой отец».

Потом задумчиво прошелся по комнате, остановился возле дверей, обернулся... Дьяк старательно выводил буквы духовной, а сверху, из красного угла, с древней иконы, освещенной лампадой, взирали на них очи Спасителя... Глядя на образ, князь твердо добавил:

– А закончить надобно так: «А кто сию мою грамоту порушит, судит ему Бог, а не будет на нем мое благословенье

в сей век, ни в будущий».

Он перекрестился, и тихо сказал: «Аминь».

Даже дьяк не расслышал этого слова, но прозвучало оно, как приговор.

Глава 3

Благодарность великого князя

Смутная, но назойливая тревога терзала боярина Всеволожа. Казалось, что даже серое, низкое осеннее небо душило предчувствием неотвратимого...

Боярин перебирал в уме череду событий последних дней, обдумывая, откуда подстерегает беда. Что за смущение начало вдруг нападать при нем на юного великого князя? Отчего стал уклончив и неуловим его взгляд? Почему, нарушив обычай, не позвал он его сегодня к обеду? Что происходит?!

Так, томясь и тоскуя, боярин спустился с крыльца великокняжеского дворца и направился через площадь в свои палаты. Высокий и грузный, в собольей крытой вишневым бархатом шубе, он двигался неторопливо и величаво, высокомерно кивая в ответ на поясные поклоны и искательные приветствия придворных. Ведь он по праву был первым сановником великого князя.

Князь Василий до последнего времени не скупился на выражения благодарности. Да и было за что. Не быть бы ему великим князем в Москве, не получил бы он согласия хана, кабы не Всеволож. Сидел бы на Московском престоле князь Юрий – дядя Василия, ведь по обычаям старины он старший в роду, и хан Махмет это знал. Да и Тегиня, любимый ханский мурза, поддерживал Юрия. А шестнадцатилетний Ва-

сий и пугался в Орде собственной тени!

Но ум и хитрость его, боярина Ивана Димитриевича Всеволожу, решили все! Он сумел пробудить в ханских вельможах ревность и зависть к власти Тегини. И наперебой стали они чернить мурзу перед ханом, и Юрий лишился защитника. А потом и хана улестил боярин хитросплетенными сладостными речами. И победил. Хан согласился, что сам, шестилетним своим молчанием, давно уже утвердил духовную грамоту великого князя Василия.

– Навечно я в долгу у тебя, Иван Димитриевич! – говорил в тот же вечер в своем шатре счастливый Василий. – Нет такой меры, чтобы измерить благодарность мою тебе!

– Есть, государь, – вкрадчиво возразил вельможа, – и об этом уж речь была. Помнишь ли?

Юный князь потупился, и румянец залил все его лицо. Смущенный взрослой откровенностью разговора, он еле слышно пролепетал:

– Помню... Вернемся в Москву – будет свадьба... моя с твоей дочерью... Я ведь и слово дал...

Казалось, что, вернувшись в Москву, князь Василий сейчас же оповестит о помолвке мать, и свадьба не за горами. Но время шло, а Софья Витовтовна ничем не давала понять, что знает о данном Василием обещании. И вот теперь – явное охлаждение великого князя, его уклончивость...

«Что же, – решил боярин, – я и сам могу поговорить с великой княгиней! И сегодня же, после вечерни!»

С этими мыслями он взошел на свое крыльцо.

В доме было неладно. Девицы в сенях странно переглянулись при его появлении, как-то поспешно, неловко, смятенно поклонились ему. С лестницы, ведущей в светлицу, доносились рыдания, возбужденные женские голоса. Боярин подошел к лестничному пролету и властно позвал:

– Авдотья!

Все звуки мгновенно стихли. Недолго спустя сверху раздался испуганный голос жены:

– Иду, Иван Димитриевич! Иду!

Всеволож прошел в столовую горницу, сел на лавку.

«Какой-нибудь бабий вздор и более ничего», – унимая тревогу, подумал он.

Жена явилась простоволосая, в расстегнутом летнике.

– Беда у нас, батюшка, – пролепетала она, неверной, неровной поступью приближаясь к нему. Расширенные глаза ее глядели растерянно и беспокойно скользили, каку безумной. – Великого князя только что сговорили с княжною Марией Ярославной...

Боярин поднялся.

– Кто говорит?! – рыкнул он.

– Настасья Фоминишна наверху... – выдохнула жена.

– Та-ак... – тяжело протянул боярин.

Сомневаться в известии не приходилось.

Это был позор. Бесчестье. Но, может быть, еще не поздно?..

– Боярышню поди успокой, – отрывисто бросил он. – Пусть знает: я ее в обиду не дам. Сегодня, сейчас пойду к великой княгине. Ступай.

Жена удалилась без слова, без звука, лишь с трепетом ужаса и сострадания взглянув от дверей на его лицо – темное, страшное, неузнаваемое от гнева...

Глава 4

Благодарность княгини

Великая княгиня приняла его в комнате сына. Они только что отобедали, и юный князь уже удалился в опочивальню.

Княгиня Софья Витовтовна стояла посередине комнаты, между Всеволожем и дверью в опочивальню, загораживая ему проход. Всем своим видом она являла нетерпение и недовольство.

– Случилось что? – с высокомерным, подчеркнутым удивлением спросила она. – Что так спешно? Говори, а то почивать пора.

Но боярин смотрел на нее спокойно и твердо. Его невозможно было смутить.

«У, настырный лис!» – злобно подумала заносчивая литвинка. Она давно ожидала этого разговора, сознавая с досадой, что его не миновать. Слово, взятое Всеволожем с ее сына в безвыходном положении, без ее согласия, за ее спиной, беспредельно возмущало ее. Сын ее женится лишь на той, которую подберет для него она. Что ей до русских обычаев! Она – великая княгиня и мать! А теперь еще этот наглец явился требовать от нее каких-то оправданий и объяснений!

В ярости, она словно сделалась выше ростом. Будучи намного ниже боярина, она каким-то образом смотрела на него свысока, из-под надменно прикрытых век. Он увидел, как,

вовсе не крася ее, углубились морщины возле тонких, возмущенно поджатых губ. Но, словно не замечая этого, старый вельможа заговорил спокойно и неторопливо:

– Дело неспешное, государыня, однако, мню, и откладывать его далее не годится. Дети наши с тобою сговорены, нынче октябрь, а об эту пору у нас на Руси принято свадьбы справлять. Так не пора ли и нам подумать о сем?

Княгиня София, не ожидавшая столь прямого хода, на мгновение онемела. Но лишь на мгновение.

– Не пойму, о чем ты толкуешь? – с таким естественным недоумением спросила она, что обманула даже такого искусственного лицедея, как Всеволож.

– Оно верно, – с сомнением разглядывая ее, отозвался он, – князь Василий Васильевич уже не в малых летах и волен сам решения принимать... И коли он тебе еще не поведал, знай: вот уже год, как он с дочерью моею младшей помолвлен. Мню я, настала пора слово великокняжеское сдержать.

– Да полно, Иван Димитриевич, – с холодной беззаботностью возразила княгиня, – ты, верно, его не понял. Али он не понял тебя, али, может статься, по юности пошутил...

– Пошутил?! – изменившимся голосом воскликнул вельможа.

– Не ведаю я, – быстро, но твердо перебила его она, – но только сын мой о браке том и не мыслит. И ты, *боярин*, – на этом слове голос гордой литвинки исполнился ядом уничи-

жения, — об этом забудь. Великий князь Василий Васильевич сговорен с Мариею Ярославной, внукою великого князя Владимира Храброго.

— А мы, стало, вам не под стать! — вспыхнул боярин, но вспомнил о дочери и сдержался: — Одумайся, государыня! Роду нашему не впервой с великими князьями родниться. Сам я из смоленских князей, а жена моя — внука великого князя нижегородского, сестра великой княгини Евдокии Дмитриевны. Так что и мы не худого рода и вам — родня. Дочь моя летами юна и красива. Одумайся! Я ли вам не служил! Благодарность и слово великого князя...

— Долго ли ты будешь нам Орду поминать?! — с досадой вскричала Софья. — Неужто и впрямь думаешь ты, что без тебя князь Василий не получил бы Москвы?!

Ответом ей было молчание.

Боярин молчал. Багровая краска гнева залила искажившееся лицо, и так темны и страшны стали его глаза, что Софья невольно отступила назад, в сторону двери, за которой — она это знала — стоял ее сын.

— Я хочу говорить с великим князем, — глухим, неестественно ровным голосом потребовал Всеволож и шагнул вперед.

— Нет! — вскрикнула Софья, уже откровенно загораживая собою дверь в опочивальню сына. — Он уже спит и нынче боле не выйдет. Он... захворал.

Боярин сделал еще один шаг — и Софья увидела над собой

его искаженное откровенной ненавистью лицо. Она в ужасе отшатнулась, ударилась о стол... На столе звякнул, упав, колокольчик. Софья схватила его и затрясла что было сил. На звон в палату вбежал постельничий – и в испуге замер в дверях.

Софья, не глядя на растерявшегося дворянина, велела Всеволоду:

– Ты свободен, можешь идти.

– Да! – медленно подтвердил боярин, и от его тихого голоса озноб пронизал княгиню. – Да! Я свободен! Воистину так! И ты еще узнаешь, княгиня, что это значит!

Он повернулся и вышел, не кланяясь, и оставил распахнутой дверь.

Этой же ночью Всеволод покинул Москву.

В ночной тишине, в безмолвии, похожем на траурное, выехало из Кремля несколько тяжелых возов. В переднем, крытом, за глухими темными занавесками сидел сам боярин с притихшими, испуганными женою и дочерью.

Иван Димитриевич молчал. Черным огнем пылал в нем гнев. Он, казалось, был больше, чем может вместить в себя человек. Он жег, как раскаленный уголь, он душил, точно угар. Умирить, утолить, погасить его можно было только одним: возмездием.

Глава 5

Старший в роду

Князь Юрий Димитриевич терзался сомнениями. Он никак не мог решиться на то, что почитал своим долгом. Если что-то пойдет не так... Он понимал, что решает свою судьбу.

Да, вновь и вновь говорил себе князь, он, старший из живых сыновей Димитрия Донского, имеет несомненное право на московский престол. Никто не может оспорить сего. Что хан?! Русь окрепла, а в ставке раздоры – у хана теперь ни силы, ни власти нет. Сила – у него, у Юрия. Боярин Всеволож прав: Василий – безвольный мальчишка, ни на что не способный. Сместить его ничего не стоит, и Юрий лишь восстановит справедливость.

Но другая, больная мысль подтачивала его решимость. Все братья отвернулись от Юрия. Все они, забыв старину, отвергнув исконное право, – все они признали Василия Московским великим князем. Покорились ему. А ведь и они могли бы надеяться когда-нибудь, после смерти Юрия, занять московский престол! Они отказались от этого. Ради чего? Ради чего некогда согласился отказаться от власти князь Владимир Андреевич Храбрый – герой Куликовской битвы? Ради чего уговорил его на то Димитрий Донской? Разве им не дорога была старина?! Говорят, князь Владимир любил отечество больше власти. Но разве разумная власть зрелого

мужа не более на пользу отечеству, нежели правление мальчишки, неспособного даже на благодарность?!

Рассуждения казались верны, но почему-то не утешали и не убеждали...

«Не лучше ли отступить?» — снова и снова терзался князь. Да, его право на власть было для него неоспоримо. Но как будто чего-то, ясного для других, он не понимал...

И как решиться на открытую междоусобицу, неизбежную войну, на этот последний, непоправимый шаг... Не прогневит ли он Бога?!

В задумчивости он поднялся и, зябко кутаясь в шубу, вышел в сени. Бояре сразу замолкли и поднялись. Всеволож стоял впереди. И вновь подивился Юрий, как изменился этот старик за какой-то год. Ни единого темного волоса, а взгляд, когда-то ясный и быстрый, — тяжел и темен. Как оскорбили его в Москве! Неблагодарен, малодушен и глуп Василий! Такой ли государь нужен Руси?! Нет! Нет! Не заслуживает Василий престола!

Князь Юрий Димитриевич выпрямился:

– Пойдем-ко, Иван Димитриевич. Сыновьям хочу написать.

Словно всполох огня осветил сумрачное лицо боярина. Он понял: быть войне!

Совершится отмщение.

Глава 6

Пояс раздора

Роковое письмо отца брата Василия Косой и Дмитрий Шемяка получили в Москве, перед самой свадьбой великого князя.

– Вот уж некстати, – буркнул князь Василий Косой, застегивая на жемчужные пуговицы нарядную парчовую ферьязь¹, – ведает ведь, что мы званы на свадьбу. Охота была от самого пира – и утекать! Да и к чему?

– И верно, что ни к чему, – поддержал его брат и небрежно бросил письмо на стол. Оно, коротко прошелестев, сейчас же свернулось в трубку. – Это все твой будущий родственничек мутит. Всеволож! Он-то обижен, как и отец, ну а для нас это все – на чужом пиру похмелье.

– Верно! – громко и резко хохотнул Косой. – Мы лучше сами на пир пойдем! Филька! – позвал он слугу. – Пояс неси!

– И то! – усмехнулся Шемяка, сощулив черные шальные глаза. – Помирим их. На что им враждовать?! Все едино по старине более не бывать: миновали те времена.

– Помирим! – весело подхватил Косой и нетерпеливо обернулся к слуге, вошедшему с поясом.

¹ Ферьязь – парадная одежда бояр и дворян без воротника и перехвата в талии, с длинными, свисающими до земли рукавами.

Тот торжественно подошел, держа перед собой на вытянутых руках золотой кованый пояс, сверкавший искрами алых, синих, голубых самоцветов.

– Ого! – воскликнул Шемяка. – Откуда такое сокровище? Бледное, с рыжей остренькой бородой лицо Косого расплылось в самодовольной улыбке.

– Всеволод за внукою дал! Они этот пояс из рода в род перед свадьбой нареченному зятю дарят. И хорош, а?! – Слуга застегнул на нем пояс, и Косой повернулся, красуясь.

Золотые цепи на поясе качнулись и зазвенели, рассыпью ярких огней заиграли драгоценные камни.

– Да-а-а, – покачал головой Шемяка. – Ай да Иван Дмитриевич! Подарок поистине княжеский!

Не знали они, как не знал и боярин, что в прошлом драгоценного пояса кроется тайна поистине роковая. Не случайно наряд Косого сразу же приковал к себе изумленный взгляд старого московского боярина, некоего Петра Константиновича. Он-то знал, он помнил...

Давным-давно, когда сам Петр Константинович был безбородым юнцом, он видел уже этот пояс, поразивший и его своей красотой, – и видел его не где-нибудь, а в казне великого князя Дмитрия Донского. Князь тогда как раз собирался жениться и на свадьбу должен был надеть этот пояс. Но на торжестве на нем почему-то оказался пояс совсем другой, куда более скромный... Однако никто ничего не заметил, не понял и не сказал, и молодой Петр Константинович

никого не посмел ни о чем спросить. И все бы так и сошло, и забылось, но месяца через два его пригласил к себе Николай Вельяминов.

Пояс, украшавший хозяина, был тот самый, незабываемый, можно ли было его не узнать! Юный Петруша в немом изумлении разглядывал пояс и не посмел ничего спросить. Но позже, поразмыслив, он все представил так ясно, словно сам был свидетелем подмены.

Николай Вельяминов был женат на старшей дочери Суздальского и Нижегородского князя, а Димитрий Донской – на младшей. И по праву старшинства сестер ему, а не Московскому князю принадлежало право на драгоценный пояс. И его отец Василий, один из главных распорядителей на великокняжеской свадьбе, восстановил попорченную, по его мнению, справедливость – подменил подаренный великому князю пояс на другой, попроще и победнее. А когда, много лет спустя, дочь Николая выходила замуж за Всеволожа, пояс по семейной традиции подарили ему.

Тогда, в те далекие дни, молодой Петр Константинович не посмел никому ничего рассказать. Но теперь, увидя опять этот по-прежнему неотразимый пояс, он изменил былому благоразумию. Хмельной ли мед, или старость, или запоздалое желание справедливости были тому виной, неизвестно, но только он тут же, за свадебным столом, заметив завистливый взгляд великой княгини, ей все и рассказал.

Княгиня София приложила немало сил, чтобы скрыть

алчный огонь, разгоревшийся в ней. Пояс принадлежит ее сыну по праву – и она это право должна была восстановить.

Княгиня медленно поднялась. Величаво приблизилась к князю Василию Юрьевичу. Остановилась возле него. Тот удивленно встал и повернулся к ней, недоуменно моргая косыми глазами.

– Всем известно, князь, – высокомерно произнесла она, и даже литовский акцент не заглушал резкости ее возбужденного голоса, – что пояс твой принадлежит отнюдь не тебе, а великим князьям Московским. Ты не по праву владеешь им.

И прежде чем Василий опомнился, она расстегнула пряжку и сорвала с него пояс. Косой, остолбенев, молча смотрел на нее округлившимися глазами. Потом попытался схватить отобранный пояс, но княгиня проворно отдернула руку и отшатнулась назад. Вся палата ахнула как один человек.

Шемяка, сидевший рядом с Косым, вскочил и схватил брата за руки.

– Княгиня! – еле справляясь с готовым кинуться в драку Косым, хрипло воскликнул он. – Княгиня! Что это ты творишь?!

Не отвечая, Софья Витовтовна величественно отвернулась и, держа пояс перед собой, нарочито медленно прошла к столу великого князя.

– Он принадлежал твоему деду, – громко, торжественно возвестила она, – теперь он по праву принадлежит тебе.

И она положила пояс перед сыном на стол.

Бледный, испуганный юный великий князь растерянно смотрел то на нее, то на пояс, то на братьев Юрьевичей.

– Не пьяна ли ты, княгиня?! – вне себя крикнул Косой.

Софья обернулась и молча, холодно смерила его уничижительным взглядом. Косой задохнулся.

– Нет, она не пьяна! – весь дрожа, воскликнул Шемяка и, отпустив руки брата, сам выступил вперед. – И тем хуже! Эдакого бесчиния белый свет не видал! – Он оглядел притихших гостей, прятавших от него глаза, и вновь повернулся к великой княгине: – Стыдись, Софья Витовтовна! Брат мой не вор. Не ведаю, кто его оклеветал, но ты бы прежде разобралась...

– Полно, Димитрий! – высоким, срывающимся голосом перебил его Василий Косой. – Дивуюсь я на тебя! Дом, где забывают пристойность, – не место для объяснений! Ты, княгиня, – он нагнулся вперед, впиваясь ненавидящим взглядом в побледневшее вдруг лицо великой княгини, – ты нечестна!

От страшного слова Софья отпрянула, как от удара. Великий князь Василий вскочил. Вслед за ним поднялись все гости.

Но Василий Косой, казалось, ничего уже не видел вокруг себя.

– Люди не слепы! – выкрикнул он. – Люди поймут, кто здесь вор!

Шемяка схватил его за плечи и повлек за собою к выходу, но и уходя, он продолжал выкрикивать, оглядываясь на

княгиню:

– Срамно и быть в этом доме, где приличий не ведают!
Срам на тебе! Срам!

Шемяка наконец вывел его, но напоследок обернулся – и сам произнес тяжелым голосом воеводы, громом пронесшимся по палате:

– Поистине: срам!

И захлопнул дверь.

В тот же день, в тот же час, нимало не медля, Юрьевичи ускакали в Галич: к своему отцу, готовившему войну.

Глава 7

Завет отца

Бунко стоял на коленях возле скамьи, на которой лежал отец.

Отец умирал.

Еще утром истаяла трепетная надежда, что он одолеет ранение своей упрямою силой, которая прежде не подводила его. Но сила его таяла на глазах. Тогда явился в низенькой горнице позванный хозяином дома протопоп и совершил последнее печальное таинство, и удалился, скорбно благословив Буйка. С тех пор за окном прошел и угас сумрачный день, и тьма спустилась на мир, и заполнила горницу, и пала смертною тенью на родное опрокинутое на подушку лицо.

Как изменилось оно! Выступили бугры высоких скул, запали щеки, в темные тени ввалились глаза. Глаза, смотрящие за черту бытия, на нечто, недоступное для Бунка.

Отец уходил. Молча, мужественно переносил он боль, молча приближался к страшному рубежу, и вся сила его, упрямая, ничем не сгибаемая, несокрушимая сила, что составляла самую суть его существа, ушла в глубину, на этот последний, самый тяжелый бой. И на пороге смерти он не изменил себе...

Но вот запавшие веки медленно поднялись, и отец взглянул на Бунка. Юноша подался вперед. Тогда умирающий с

трудом разомкнул иссохшие губы и тихо заговорил:

– Прощай... Благословляю тебя... – Рука его, протянутая вдоль тела, чуть шевельнулась, благословляя. – Уезжай... в Москву... Оттуда защищать надо Русь... Наша сила – там... Благословляю Московскому князю служить... Это – не измена... – Он хотел еще что-то добавить, договорить, но воздух не мог больше входить в искаленную татарской стрелою грудь...

И застыли обращенные на Бунка глаза. И сила, непреклонная сила, перед которой благоговел Бунко, ушла из них...

Бунко дрожащей ладонью закрыл невидящие родные глаза. Наклонился, прижался лбом к холодеющей безответной руке. Отец ушел.

Одиночество...

Глава 8

Исход москвичей

Бунко скакал лесами на север, в Москву.

За его спиной остались родная рязанская деревушка, просторный господский дом, до отчаяния пустой без матери и отца, две могилы на старом погосте под сенью любимой церкви. Он не стал хоронить отца в Переяславле Рязанском, на защите которого тот погиб, – отвез его в вотчину, где вот уже год, как покоилась мать. Теперь они рядом – навсегда.

Впереди была неизвестность, но так завещал отец... Бунко во всем доверял ему.

К вечеру он подъехал к Коломне. Долгий путь утомил его, притупил усталостью боль. Он собирался провести в городе ночь, а на рассвете опять отправиться в путь и больше не останавливаться нигде до самой Москвы. Он жаждал усталости как утешения.

А между тем в Коломне происходило что-то диковинное. Бунко с недоумением огляделся. Уже вечерело, а на улицах былолюдно и шумно, кругом виднелись доверху нагруженные подводы: одни пристроились во дворах, другие вереницами тянулись по улицам.словно целый город стронулся со своего векового места и собрался куда-то переезжать! Вокруг плакали и смеялись дети, тревожно, озабоченно и устало переговаривались женщины, то и дело взметались крики

возниц... И странно: всех этих, таких разных, людей как будто объединяло что-то – нечто общее, важное и волнующее...

– Что, соколик, ночлега ищешь? – раздался возле Бунка старческий голос.

Юноша оглянулся. Рядом за невысоким плетнем стоял сухонький седой старичок в сером зипуне и, ласково улыбаясь, кивал головой.

– Нонеча у нас это вельми дело трудное. Ты один али с тобою еще кто будет? – задал он не совсем понятный вопрос.

– Один, – растерянно ответил Бунко.

– Коли так, заезжай: на сеновале устроишься, – просто сказал старик и засеменил к воротам.

Бунко вежливо спешил на улице и ввел коня за собой во двор, тесно заставленный нагруженными возами.

– Что здесь случилось, дедушко? – спросил он хозяина, озираясь. – Что это за подводы?

Старичок удивленно посмотрел на Бунка:

– Что случилось?! Али ты сам не с Москвы?

– Нет, из Рязани.

– И далеко ли едешь? – со странным сомнением осведомился старик.

– В Москву и еду, служить великому князю всея Руси Василию Васильевичу, – выпрямляясь, задиристо ответил Бунко, почувствовав непонятное подозрение в словах старика.

Но сейчас же и забыл про обиду, увидев, как радостное удовольствие разлилось по морщинистому лицу.

– Ныне не надобно ехать в Москву, чтобы служить великому князю! – весело объявил старичок. – Ныне, соколик, у нас – стольный град, и ты приехал куда тебе надобно! Великий князь здесь, в Коломне, и все верные слуги его – наши гости! Пойдем, пойдем... – Он повернул к конюшне. – Я все тебе расскажу!

Пока Бунко расседлывал коня и задавал ему корм, хозяин, присев на мешок с овсом, рассказал ему о событиях последних недель. Для начала он объявил, что князь Юрий Дмитриевич отважился-таки на мятеж против великого князя и пошел со своими войсками на Москву «аки тать». Великий князь послал дяде навстречу своих бояр с предложением мира. Но Юрий не хотел и слышать о мире. Его бояре встретили послов великого князя «бранью великою и словами неподобными». Войско, которое второпях сумел собрать юный великий князь, едва ли заслуживало такого названия – и потерпело сокрушительное поражение всего в двадцати верстах от Москвы. Василий в испуге и ужасе бежал с молодой женой и матерью в Тверь, потом в Кострому, но пленения не избежал. Заточив племянника, князь Юрий всенародно объявил себя великим князем Московским и обосновался в столице со своими боярами и сыновьями.

– Но Господь нас уберег, не попустил совершиться злодейству, – стянув мурмолку² с седой головы, перекрестил-

² Мурмолка – старинная высокая шапка с плоской или сужающейся к низу тульей, с меховой лопастью в виде отворотов.

ся старик. — Ведомо, что разные — и лихие — советы недобрые люди давали Юрию: извести хотели князя Василья, — да только Юрий послушался слов иных. И отпустил племянника с миром, дав ему Коломну в удел. Ну а уж как сюда Василий Васильич приехал, так и стали все верные люди стекаться к нему, к законному государю собираться, ровно пчелки к матке. Вся Москва ныне здесь! — с гордостью заключил старик. — Ну, управился? Пойдем, хозяйка моя накормит тебя...

Наутро Бунко, волнуясь и радуясь, пошел ко двору великого князя.

«Как прав был отец!» — восторгался он. Князь, за которым преданно пошла вся Москва, не может не быть оплотом Руси! Верно, в нем есть нечто особенное! И он, Бунко, будет служить ему, лучшему князю Руси! Он нашел его!

Бунка переполняла гордость. Ее дурман очаровывал, запуская цепкие корешки в самое сердце. Могли он знать, что из них прорастут потом тернии бесчисленных бед...

Так началась служба Бунка у великого князя Василия.

Глава 9

Оставленная Москва

Шемяка словно увяз в каком-то ужасном, нескончаемом сне... Брошенная всеми Москва казалась призрачной, нерезальной. Всюду, куда ни глянь, были пустынные улицы, безлюдные площади, закрытые ставни, забитые окна... Тишина, как безмолвие смерти, охватывала тоской. Даже мелкий осенний дождь моросил беззвучно, будто тихо оплакивал умирающий город...

Шемяка остановил коня, затравленно огляделся. Совсем недавно на этой маленькой площади Загородья шумел суетливый рынок, а теперь и здесь пустота... Все брошено – большой, изобильный город, богатый посад, все брошено этими проклятыми москвичами! И ради чего?!

То ли стон, то ли рык вырвался у него. О, как ненавидел он этот город, этих людей! Чего, чего недоставало им?! Не ради же этого слюнтяя-мальчишки они оставили дома и добро и потащились в Коломну?! Оставили все!

Вдруг где-то рядом отчаянно и тоскливо завывала собака. Шемяка вздрогнул, хлестнул коня и во весь опор, точно спасаясь от гибели, помчался к Кремлю.

Словно вихрь, размахнув занавески, он влетел в палату отца. Тот сидел, ссутулясь, возле окна и тускло глядел прямо перед собой.

– Сидишь! – воскликнул Шемяка со всею силой мгновенно закипевшего гнева.

Князь Юрий молча, невыразительно, без укора, без раздражения, без вопроса посмотрел на него.

– Али ты и руки уже сложил?! – задохнулся Шемяка. – Делать же надо что-то!!!

– Уймись, – бесцветным усталым голосом ответил князь. – Ничего не исправить теперь.

– «Уймись»?! – только и смог, что повторить, Шемяка и в ярости указал на окно: – А ты в окно-то смотрел?! На улицу выходил?! Видел позор-то свой?!

Князь Юрий устало закрыл глаза. Но Шемяка не унимался, в иступлении не щадя отца:

– Город— пустой! Все, все, все отъехали, все! Я тебе говорил: накличешь беду! Говорил: с Васькой нам вместе не жить, либо он, либо мы! Говорил?! Нет! Блаженный нашелся! Пир закатил, вотчину выделил, целовался! Отпустил!!! А он тебе кукиш! А ты думал, он такая нюня, будет слезами весь век в Коломне своей умыться, как у тебя в плену?! А он-то не прост – с оборотом! И обернулся! Я тебе говорил али нет?! Косой говорил?! Всеволож говорил?!

Великий князь закрыл руками лицо, и Шемяка не выдержал, отвернулся, зашагал, заметался по тесной опочивальне.

– Прельстился на лживые Морозовские слова! Почто послушал его?! – не в силах сдержать себя, с укором воскликнул он.

На это Юрий Димитриевич, вздохнув, монотонно повторил не раз уже сказанное:

– Семен и сам заблуждался, чаял как лучше. Испокон веку старший сын Московского князя в удел получал Коломну. Я – великий князь Московский по исконному праву, а Ваське сидеть в Коломне по праву же: от веку так было. И должно так быть.

– От веку! – раздался от двери визгливый голос Косого.

Оба – и Шемяка, и Юрий – вздрогнули и обернулись. Косой, подбоченясь, стоял на пороге, рыжая бороденка его взъерошенно торчала вперед, глаза косили более, чем всегда: он был, как и брат, вне себя. Худое лицо его перекосилось от злобы, когда он повторил:

– От веку! Что от веку бывало, то пропало! Всё, обычай дедов порушили! Ты, отец, здесь государь по праву, а на улицу глянь: кто это право твое признал?!

– Пуста Москва! Над кем княжить?! Кем управлять?! – подхватил Шемяка.

– На нашу пагубу не послушал ты нас, а послушал сквернавца Морозова! – вскричал Косой и затряс рукой, указывая на дверь. – Вот по ком плаха плачет!

– Бога побойся! – впервые за весь разговор возмутился Юрий. – Он один из немногих, кто не бросил меня! Так и сидит в сенях, который уж день! Верный, верный... – И снова голос его угас, и он бессильно склонился в немом безысходном отчаянии.

Братья молча переглянулись, Шемяка махнул рукой – и оба вышли.

Семен Морозов один-одинешенек сидел в Набережных сенях. Он не помнил уже, сколько дней просидел он так, неподвижно глядя перед собой в непостижимое. Он искал и не мог найти ответ на один-единственный, самый важный, неразрешимый, неотступный вопрос. В чем его вина? Он поступил по совести, честно и прямо. Он не мог поступить иначе. Он советовал верно. Так почему же не оставляло его чувство вины? Что случилось в Москве, что изменилось, чего он не понял? По обычаю дедов великий престол принадлежал старшему в роде: дяде, а не племяннику, князю Юрию, а не князю Василию. Отчего же опустела Москва?! В чем его вина?

Громкие шаги братьев Юрьевичей он слышал издалека и встал, как положено. Братья быстро вошли, разгоряченные, с пылающими щеками, – и вдруг остановились против него, словно натолкнулись на стену.

Он забыл о поклоне, так страшны были их глаза, обращенные на него.

– Вишь! – лицо Шемяки исказилось дикой усмешкой. – Чует, что виновен! Что пялишься так?!

– Нет, не чую ся перед вами виновным, – тихо, но твердо выговорил Морозов. – Ведает Бог, что верен я государю Юрию Дмитриевичу.

– Стало, совесть твоя не вопиет?! – взвизгнул Косой, шагнул вперед.

Морозов невольно от него отшатнулся, забыв о лавке за своею спиной, ударился о сиденье ногой, чуть не упал... Но тут же выпрямился и прямо взглянул в глаза обоих князей. Это были глаза людей, готовых убить.

– А не ты нас всех погубил?! Злодей! Лютый змей! Не мни от ответа уйти! – кричали братья, подступая все ближе к боярину.

Морозов больше не отвечал: это было бессмысленно. Стены и пол шатались, кружились вокруг него, дикий крик оглушал, он видел лишь орущие рты да круглые, обезумевшие глаза, в которых не было ничего человеческого. И когда сверкнули вскинутые кинжалы, он не успел даже поднять в защиту руки и сразу осел на скамью, и удивление застыло на мертвом лице... А Юрьевичи все вонзали и вонзали окровавленные клинки в беззащитное неподвижное тело...

– Стой! – прохрипел Косой, опуская руку и с изумлением выпрямляясь. – Всё...

Шемяка, точно пробудившись от сна, посмотрел на окровавленное мертвое тело, на обагренный кинжал в собственной, закинутой для удара, руке. Рука его медленно опустилась.

– Бежим! – сдавленным шепотом воскликнул Косой. – Отец не простит! В Кострому!

Братья, даже не обтерев, кинули в ножны кинжалы и бро-

сились вон.

В тот же вечер князь Юрий Димитриевич послал к племяннику в Коломну гонца, призывая Василия обратно на великое княжение. А на следующий день, похоронив и оплакав Морозова, он покинул Москву.

Только пять человек сопровождало его.

Глава 10

Разочарование

Москвичи ликовали, в радостном необозримом шествии возвращаясь вслед за великим князем в Москву.

Бунко ехал в свите Василия и с восторгом всматривался вперед – туда, где в окружении сановных бояр сидел на белоснежном коне стройный всадник в парчовом терлике³. Великий князь всея Руси Василий Васильевич, надежда и упование всей русской земли, государь, которому он, Бунко, отныне служил! Вот он повернул голову в атласной алой мурмолке и говорит что-то боярину, смиренно склонившемуся перед ним на своем седле, вот милостиво кивает крестьянам, толпящимся вдоль дороги. Они кланяются истово, радостно, и вслед великому князю летят заздравные, благословляющие, благодарные крики. Не это ли счастье?! И Бунко ликовал...

Но рано праздновали москвичи. Братья Юрьевичи не смирились, а вскоре и сам князь Юрий, нарушив данное Василию слово, послал отряды в помощь своим сыновьям. И возобновилась усобица, и зыбкая, неверная, кривая тропа ее, обманно маня, повела тех, кто безрассудно доверился ей, все дальше и дальше в безнадежную топь, из которой не было

³ Терлик – парадная придворная одежда в Московском государстве.

выхода...

Миновал год, тревожный и страшный. И вот уже снова наступала весна, и снова Бунко в Москву. Но теперь нерадостно было у него на душе, хотя и скакал с ним рядом верный, в боях испытанный друг – московский дворянин Кирилл.

Даже поддержка товарища не могла развеять ту тень, что медленно надвигалась на жизнь Бунка. Все было не так, как он ожидал. Надежды на великого князя рушились одна за другой. Василий оказался совсем не таким, как он его представлял.

Однако мысль, что он служит недостойному человеку, была невыносима. Она разрушала весь его мир, лишала смысла самую службу. И Бунко старался оправдывать неприглядные поступки Василия, упорно защищая его и от других, и от себя. Но сумрак сгушался над ним...

Бунко не понимал, что источник его кручины кроется в нем самом. Думая, что он ищет правду, он искал для себя кумира. Ему нужен был безупречный вождь, которому бы он мог служить безупречно. И сам он старался быть безупречным.

Бунко был ранен, но, несмотря на слабость и боль, старался не показать, чего ему стоило прямо держаться в седле. Но друга было не обмануть.

– Ты только посмотри на себя! – горячась, говорил Кирилл. – Посмотри!!! Нешто ты с этакой раной воин?! Почто торопиться так?!

– Полно тебе, Кирилл, – хмурясь, глухо ответил Бунко. – Авось и я на что-то сгожусь, не такая уж и страшная рана...

Кирилл возмущенно пожал плечами. Несколько дней назад, после ужасной битвы, разметавшей все московское войско по полям и весям, он нашел Бунка на мерзлом снегу. Тот лежал без памяти, истекая кровью. Но спустя всего лишь два дня Бунко, не слушая уговоров, потянул его за собой в Москву. И вот – они уже третий день в седле, и даже кони устали месить эту мерзлую рассыпчатую крупу, когда-то бывшую снегом, и Бунко становится все бледнее, но упрямо не соглашается остановиться.

– Хотел бы я знать, на какую службу ты хочешь сгодиться! – не выдержал Кирилл. – Нешто ты мнишь, князь Василий торопится Москву защищать?! Небось, утек подальше куда! Ему не впервой. Разве что за княгинями в Москву завернул, как в минувшем году. А ты убиваешься!

В ответ на оскорбительные слова о князе Бунко резко повернулся было в седле, но задохнулся от боли и стиснул зубы, чтобы не застонать. Помолчали. Потом он ответил, тихо и ровно, стараясь голосом не выдать растущую слабость:

– Али ты не князю Василию служишь, что так говоришь? В прошлый раз не успели полки к сроку собрать, вот и некому было встать за Москву. Тем паче теперь все должны торопиться. Великий князь уже, верно, в Москве! – Его темные, с воспаленным блеском глаза снова с упрямой жадой обратились вперед, туда, где за лесами на расстоянии дня пути

их ожидала Москва.

Кирилл искоса поглядел на складку усилия меж его бровей, на впавшие щеки, на упрямо стиснутый рот и вздохнул, качнув головой:

– Огня много в тебе... Смотри, самому бы в нем не сгореть... А подумаешь – и не мудрено, что Бог нам удачи не дал: почто Василий Галич пожег?

– Так ведь Юрьевичи на волю его не сдавались, засели в кремле, ровно он им и не государь! – возразил Бунко.

– А сколько ни в чем не повинного люда пострадало в огне?! А церкви Божии, монастыри? Так-то одни басурмане бесчинствуют на христианской земле! Не мудрено, что Бог от Василия отвернулся. А что боярина своего, Всеволожа, ослепил? Грех-то какой!

– Слухи это, не верю! Не могло того быть! – забыв о ране, вскричал Бунко. – Поклеп его недругов! А Галич он, я уверен, сгоряча велел запалить! С кем не бывает! Подумай, как ему от Юрьевичей досталось, так мудрено ли поддаться гневу! Почему ты знаешь, может статься, он сейчас же о том и пожалел, да огонь-то не остановишь! – забывшись, он резко взмахнул рукой – и вскрикнул от пронзительной боли.

– Что, что ты?! – испугался Кирилл. – Плохо тебе? Давай остановимся! – Он с тревогой глядел на искажившееся лицо Бунка.

К счастью, в этот момент впереди показалась деревня, низенькие избушки, крытые дерном.

– Ну, слава Богу! – воскликнул Кирилл. – Здесь и заночуем!

Бунко промолчал, только крепче стиснул узду. Предстояло сойти с коня и добраться до лавки, не застонав, не потеряв сознания...

Но напрасно спешили они в Москву. Князь Василий бежал с поля сражения в Новгород, оттуда, как будто не в силах остановиться, – на Мологу, в Кострому, в Нижний Новгород... Даже за матерью и женой, оставшимися в Москве, он не решился вернуться. Князь Юрий со своими полками подошел к Москве и после недельной осады вошел в нее, и пленил великих княгинь, и снова нарек себя великим князем всея Руси.

Бунко с горьким, мучительным недоумением пытался смириться с этим, понять или просто принять, но ни понять, ни принять не смог. Рана его воспалилась, он слег в беспмятстве и жару на много недель и вернулся к жизни только благодаря ласковому уходу домочадцев Кирилла...

В столице тем временем все снова переменилось. Юрий не просидел на Московском престоле и полутора месяцев. Правление его прекратила смерть – неожиданная и оттого особенно страшная, поразившая всех. Старший сын его Василий Косой объявил было себя великим князем Московским, но даже родные братья не поддержали его. Потрясенные кончиной отца, они поспешили помириться с князем Василием Васильевичем. Косой бежал из Москвы.

А великий князь Василий Васильевич вновь без всяких усилий со своей стороны возвратился на Московский престол.

Рассказывая все это Бунку, Кирилл с тревогой всматривался в его лицо. Как примет он то, что иным казалось цепью вопиющих несправедливостей? Сам он так не считал и поторопился это сказать:

– Многие думают, что в этом видно Божию волю. Да и то сказать: лучше, если престол переходит от отца напрямую к сыну. Чем меньше смен княжьих дворов возле престола, тем лучше для всей земли! Ну, а для нас он государь, мы крест целовали на верность ему: будем служить там, где нас поставил Господь. Служа ему, мы служим Богу. Все просто.

Бунко промолчал. Он не был с этим согласен. Он хотел служить только достойному князю. Он жаждал видеть в правителе правду. И не видел ее...

Глава 11

Улада

Ирина сидела на вершине холма, на согретой полуденным солнцем траве. Медовые ароматы трав волнами струились вокруг, и только короткие трели кузнечиков изредка нарушали знойную, зачарованную тишину.

Все здесь было родное, знакомое с детства. Леса, пологие склоны холмов, разнотравье... Как любила она все это! Девушка ласково провела рукой по траве. Прячась в волнах пурпурных метелочек трав, покачивались на теплом ветру веселые головки ромашек, розовые гвоздики на тоненьких стебельках тянулись навстречу солнцу, лиловые колокольчики смиренно грелись в его лучах...

И все это оставить!

Она с тоской посмотрела вдаль. Внизу, у подножья холма, голубело озеро, окруженное ивами, за ним высились стены и храмы монастыря, где все полно было памяти таинственной радости праздников, где дорог был каждый камень... А дальше среди рощ и полей струилась в солнечном блеске река. Вдали она убегала в дремучий лес, загадочный, таинственный и бескрайний, что темной стеной охватывал горизонт, встречаясь с высоким небом...

И все это оставить!..

Но отец говорит, что устал от бесчисленных набегов татар,

от вечного страха за нее и за мать. Он хочет покоя хотя бы на старости лет, а в рязанских краях покоя и мира нет. Поэтому грядущей зимой, лишь установится санный путь, они поедут в Москву, а может быть, и куда-то дальше, там будет видно. И сюда уже никогда не вернутся... Ирина вздохнула.

Но недолго горюет юность. Наверное, подумалось ей, и там, где они обоснуются, так же прекрасен мир, и там расцветают весной поля, и благоухает лес, и от бескрайних просторов захватывает дух...

И, кроме того – Ирина задумалась, и окружающий мир исчез для нее, – этот сегодняшний сон, как голос судьбы... О том, что ждало ее там, вдали...

Она встала и медленно пошла по тропинке, выющейся по откосу холма. Воспоминание овладело ею.

Ночью, в удивительном сне, ей что-то говорил незнакомец, говорил нежно и ласково и восхищенно смотрел на нее... Ей было так хорошо возле него!.. Сон был недолг, но сладкая власть его все еще окутывала ее...

Да, решила она, ей снилась любовь. Какая услада!.. И в этом ведь нет греха, нет ничего плохого? Это просто земное счастье, кто не мечтает о нем! Там, вдали, куда они уезжают, наверное, живет человек, обещанный ей во сне!

Ясными, сияющими глазами Ирина посмотрела вперед. В будущее.

Как могла она знать, что, приняв эту мечту, она посеяла в сердце семя будущего искушения, семя страдания...

Глава 12

Пленение гостя

Прошло два года. Два года смут, походов, междоусобных битв, неуверенности и непокоя... Наступила весна 6943 года от сотворения мира, а от воплощения Бога Слова – 1436-го...

На широких пролетах Постельного крыльца палат великого князя стоял гул встревоженных голосов. Здесь собрались в это утро все, кто только мог. Придворные беспокойно толпились, то и дело поглядывая наверх, где за кованой золотой решеткой крыльца, у самых верхних сеней, виднелись статные фигуры бояр. Там тоже явно еще ничего не знали.

Бунко остался внизу, у подножия лестницы, и прислушался к тому, что говорили вокруг. Все как один ругали Косого за казни в сдавшемся на его милость устюжском Гледене.

– Девять недель под стенами он сидел, на всякий день приступал, а крепости все ж не взял! И не взял бы! Не надо было Бледен сдавать!

– Так поверили же ему! Обещал всех помиловать! Крест целовал!

– Крест целовал! А как в крепость вошел – первым делом воеводу убил! Эх, князя Оболенского жаль! Как жаль! Упокой, Господи, душу его!..

– ...И пошел казнить, вешать, сечь... Ровно нехристь ка-

кой!

– Смерть собаке! Отомстим!

– А Шемяка-то почто прискакал в Москву? Али он с братом не заодно?

– И давно он у государя?

– Давно! Кабы знать, с чем приехал? Что задумал? Лукавство опять какое? Нешто можно верить ему?!

Тревога трепетала, металась вокруг, проникала острым ознобом в кровь. Бунко, не в силах стоять на месте, прошелся по Боярской площадке, потом, оглянувшись на крыльцо, где все было без изменений, спустился на Сытный двор, прошел вдоль него, все убыстряя шаги, словно что-то гнало его, обошел церковь Спаса на Бору и оказался в заснеженном безлюдном саду. Здесь было тихо. Бунко, весь как натянутая тетива, упругим, летящим шагом пронесся по снежным тропкам – и вплотную приблизился к Набережным теремам. Это за их узкими окнами в Малой Набережной палате сейчас князь Василий Васильевич принимал Шемяку. Зачем последний так неожиданно и не вовремя явился в Москву? Чьи судьбы решались за этими окнами?..

Вдруг дверь на высоком крыльце рывком распахнулась, из нее выбежал боярин Иван Старков и с высоты крыльца порывисто огляделся. Заметив Бунка, он резко взмахнул рукой и сбежал по ступеням вниз. Бунко оторопел: боярин вел себя неприлично резво.

– Вот хорошо! – воскликнул Старков, совершенно пре-

зрев достоинство собственного чина. – Ты кстати! Слушай: нужен капитан⁴. Быстро. Сюда. Ты поедешь со мной. Давай! – и, так ничего и не объяснив, повернулся, подхватил спереди шубу, взбежал обратно, словно мальчишка, и громко захлопнул за собою дверь.

Бунко перевел дух. Происходило что-то невероятное. Теряясь в догадках, он поспешил, однако, исполнить приказ, благо колымажные ворота были в двух шагах. Через несколько минут он уже подъехал в капитане к сеням, велел конюху ждать, поднялся наверх, чтобы доложить, что поручение выполнено, распахнул тяжелую дверь... и застыл на пороге.

В сенях на простой скамье сидел князь Димитрий Шемяка, багровый от ярости, и два дюжих тюремщика, склоняясь над ним, забивали клинья в оковы на его руках и ногах.

Над ними с видом распорядителя возвышался Старков. Он обернулся на звук раскрывшейся двери.

– Капитан внизу, – выдохнул Бунко.

Боярин кивнул и значительно посмотрел на Бунка:

– Государь велел мне с князем Димитрием Юрьевичем ехать в Коломну. – Шемяка зарычал, как зверь, но Старков даже не взглянул на него. – Ты поедешь со мной. Для охраны.

Цепи звякнули, угрюмые бугаи выпрямились и стали по обе стороны узника.

– Готово, – пробасил один из них.

Все взгляды обратились на князя Димитрия. Тот, страш-

⁴ Капитан – зимняя крытая повозка с дверцами.

ный в своем молчании, смотрел в одну точку, и желваки ходили на его багровых скулах. Наконец он поднял тяжелый взгляд на своих оскорбителей.

— Прости, Димитрий Юрьевич, — поклонился ему Старков, — мы — люди подневольные. Пожалуй в капитан.

Князь молча, медленно, тяжело поднялся и двинулся к выходу. Цепи его загремели. Старков из-за его спины махнул рукой Бунку. Тот распахнул и почтительно придержал перед князем дверь и затем стал спускаться возле него. По другую руку Шемяки двигался Старков.

По-прежнему ни единой души не было в тихом, укрытом снегом саду. Некого было позвать на помощь плененному князю, невозможно, некуда было ему бежать.

Бунко распахнул дверцу капитана, помог забраться в него Шемяке и сел возле него. Через минуту с другой стороны поместился Старков, успев что-то тихо сказать онемевшему от изумления кучеру. Сейчас же лошади тронулись, и капитан легко заскользил по наезженной колее.

Никто ничего не видел, не слышал и не заметил... Тревожный улей Золотого крыльца, людные проезды Кремля, суетливо-оживленный посад — все удалялось, мелькая мимо, чуждое и бесполезное пленнику, скрытому за плотной тканью узких окон повозки...

Глава 13

«Предосторожность» великого князя

В каптане было темно и тесно. Бунко осторожно, искоса взглянул на Шемяку. Тот сидел неподвижно, упираясь окочеванными руками в колени, мрачно уставясь в пол. От него исходило ощущение разъяренной силы. Даже в чертах его лица, в покато, откинута лбе, в резко изогнутой, как ястребиный клюв, линии носа, в остром надломе черных бровей – чувствовалось что-то гордое, непокорное, хищное...

Бунко всегда восхищали в других эти бесценные для властителей качества: сила, мужество и решительность – и именно их он искал, но не нашел в великом князе Василии. Он так мечтал служить великому князю, как истинному государю, преклоняясь и почитая, – и не мог. Князь Василий был мягок, нерешителен, слабоволен! А этот!.. Бунко снова взглянул на Шемяку. Немое, тяжелое негодование пленника даже пугало... и восхищало. Если бы знать, что случилось там, во дворце? За что Шемяка так тайно, внезапно, жестоко схвачен, окован и сослан?! Что такое ужасное, непростибельное он натворил? Кинулся на великого князя? Угрожал ему? Но не безумен же он?! Бунко терялся в догадках.

А Шемяка молчал. Молчал и Старков.

Так, в безмолвии, полутьме и холоде, они доехали до Коломны. Здесь князя Димитрия не заключили в темнице, как

ожидал Бунко, а поместили в уединенной горнице великокняжеского дворца. Правда, окна ее были очень малы, а единственная дверь крепко-накрепко запиралась снаружи, из небольших сеней. В этих сенях и обосновались Бунко и Старков.

Боярин сам отнес Шемяке поднос с пирогами и полный ковш вишневого меда, запер дверь на засов, перекрестился и, потирая руки, сел во главе стола, уже накрытого к ужину. Бунко опустился на лавку у дальней части стола. Старков молча принялся есть, и Бунко не решился заговорить. Наконец прислужник принес большую братину⁵сбитня, водрузил ее посреди стола и, пожелав им мирного сна, с поклоном исчез за дверью. Старков прислушался к его удаляющимся шагам и только теперь обратил на Бунка прищуренные глаза. В глубине их темнела, словно бы усмехаясь, некая мысль, неясная для Бунка.

Он нахмурился, взял из братины ковш, зачерпнул себе сбитня и склонился над ним, неторопливо отхлебывая терпкое, обжигающее питье.

– Хвалю, хвалю! – услышал он над собой глуховатый довольный голос боярина. – Молодец! Молод, а умен, да и сдержан! Хвалю. Коли так и дале держаться будешь, всегда во мне защитника и опору найдешь.

Бунко как только мог спокойно, молча посмотрел на боярина. Тот в ответ покровительственно усмехнулся:

⁵ Братина – ковш, употреблявшийся на пирах для вина.

– А ведь, верно, умираешь от любопытства?! Гадаешь, что за преступника тебя нарядили стеречь? А знаешь, что он учинил? Я тебе скажу. Он приехал звать князя Василья Васильевича на свою свадьбу с княжной Заозерской. В Углич. Но глубокий ум великого князя, – выразительно протянул Старков, – узрел в этом ловушку, сговор братьев Юрьевичей, – и не дался в обман! Покамест Василий Васильевич расправится там с Косым, мы здесь Шемяку придержим. Вот так!

Бунко пытливо всмотрелся в лицо вельможи. На самом ли деле крылась в его словах злая, убийственная ирония или ему, Бунку, это почудилось? Но темные, узкие глаза Ивана Старкова были непроницаемо спокойны.

– А свадьба как же? – осторожно спросил Бунко. – И день назначен уже?

– А как же! То бишь... был назначен. Но теперь... – И боярин развел руками, все с тем же безмятежным выражением широкого лица.

Бунко почувствовал растущее раздражение от двусмысленности разговора. Он замолчал, делая вид, что более не нуждается в объяснениях. А Старков неожиданно кивнул ему с одобрением:

– Вижу, ты золото на серебро не меняешь?.. – и вдруг сдержанно, притворно зевнул. – Да и то сказать: давно пора почивать. Тяжелый выдался день... – Он поднялся из-за стола, давая возможность Бунку сделать то же.

Глава 14

Тюремщик и узник

Бунко долго не мог заснуть в эту ночь. Невольно он оказался пособником и исполнителем в деле явно бесчестном. Хуже того, он вынужден был продолжать участвовать в нем. Ибо это была теперь его служба: служба тюремщика при несправедно и безжалостно заключенном.

Наутро, войдя к князю Димитрию с завтраком, Бунко едва посмел поднять на него глаза.

Шемяка сидел на скамье в глубокой задумчивости. Бунко поставил еду перед ним на стол и поклонился низко, низко. Князь не шелохнулся, как будто и не видел его. Тяжелый сумрачный взгляд его остался неподвижен. Бунко тихо вышел...

И потянулись дни – однообразные, бесконечные и тоскливые. Неотлучно сидя в своих уютных, теплых, постылых сенях, Бунко с состраданием прислушивался к тому, что происходило за дверью. Шемяка то часами сидел неподвижно, то принимался метаться по тесной своей темнице, и тогда несмолкаемый звон оков, отсчитывая каждый шаг, каждое движение узника, терзал сердце Бунка. Даже Старков хмурился и мрачнел, несмотря на свою придворную выдержку.

И поэтому не прошло и недели, как странные отношения установились между заключенным и приставами. Словно не

было больше здесь ни узника, ни тюремщиков. А были – князь и двое дворян его свиты. И Старков, и Бунко служили теперь князю Шемяке с почтением и преданностью.

Однажды вечером Бунко вошел к нему с зажженной свечой и с высокой стопкой блинов в объемистой миске.

– Сметану, икру и мед сейчас принесу, – объяснил он, ставя подсвечник и миску на стол.

– А боярин где? – удивился Шемяка.

Бунко смутился:

– В гостях...

Шемяка горестно усмехнулся:

– Масленица! Так и не женился я в нынешний мясоед!

Бунко застыл, не смея пошевелиться. Тогда Шемяка сказал:

– Ну что ты так виновато глядишь? Ты-то вообще ни при чем!.. Давай-ко лучше раздели ужин со мной, неси все сюда, – и повторил печально: – Масленица ведь!

Бунко поклонился, благодаря за честь, и почти выбежал вон, выполняя наказ. Он принес все, что только нашлось в поварне, наполнил медом ковши и – остался стоять.

– Садись, – кивнул Шемяка на скамью напротив себя. – Ты нынче мой гость!

Звякнув цепями, он поднял свой ковш и значительно произнес:

– Выпьем за верных слуг... и справедливых господ, – и глаза его сверкнули.

Бунко молча выпил свой, показавшийся горьким, мед.

Но Шемяка как ни в чем не бывало уже сворачивал блин, и Бунко, следом за ним, тоже принялся за еду. После второго ковша Шемяка повеселел.

– Сам-то откуда, – спросил он Бунка, – не московский ведь?

– Рязанец, – согласно кивнул Бунко.

– И нашел ты кому служить! – потряс головой Шемяка, отчего черная прядь упала ему на лоб. – На всей Руси нет ничемнее князя!

Бунко забыл про еду, опустил глаза. Давно уже и ему приходили такие мысли, но он их гнал от себя. Как с ними жить?!

А Шемяка, неотступно глядя прямо в лицо Бунку своими черными, пронзительными глазами, ярко блестящими из-под излома бровей, продолжал, все более горячась:

– Такой ли государь должен быть на престоле великокняжеском?! Нешто так управляют, как он? Где разум, где справедливость, где доблесть в делах его?! Скольких людей, ему преданных, он обидел, бросил, оскорбил, обманул?! Брат мой, Василий, в гости к нему приехал на свадьбу, – а его изругали вором, опозорили, оболгали! Слыхал?! – Его взгляд обжигал Бунка, и тот кивнул, задохнувшись.

Шемяка тяжело, словно ворочая неподъемную глыбу, повторил:

– Слыхал. Все слышали. Вот так-то на Москве гостей при-

нимают. Как же нам было отца против него не поддержать?! Душа в нас горела! А с тестем братним что сделали?! С Все-воложем?! Мало дочь его опозорили отказом венчаться после честного сговора – самому-то ему выжег глаза!

Бунко судорожно вдохнул.

– Вижу, не знал?

– Не верил... – выдавил из себя Бунко.

– Верь. Я его видел, он у Косого жил. Покуда брата не лишили удела... И я не дивлюсь, что брат Ваське не верит, что договоры рушит, что мечется по Руси с горсткой верных людей, места не находя. Кроме разбойной отчаянной воли – что осталось ему?! Знаю, он думает: Ваське только поверь, только в руки ему попадись – и пропадешь! – Шемяка взмахнул рукой, словно показывая движение рубящего меча.

Цепь загремела. Окованная рука упала. Бунко затравленно посмотрел на железную цепь на руке невинного князя...

Помолчав, Шемяка продолжил спокойнее, но с глубокой, застарелой горечью в голосе:

– А ведь Косой ко мне по пути на Устюг заходил, звал с собою в поход. Серчал и смеялся, что я слово свое порушить не захотел, верен был договору с великим князем... Я ведь сам его после смерти отца и на престол позвал. А Косой сердился. Ты, говорил, поплатишься еще за глупость свою!.. – Шемяка поднял перед собою руки в оковах и закончил жестко: – Я и плачу.

Бунко молчал, как зачарованный глядя на цепь.

– Но больше платить не буду! – вдруг, ударив оковами по столу, воскликнул князь. – Довольно! Вижу: и впрямь не судьба нам ужиться с князем Васильем! Или он – или мы. Выбора нет! Да и не нужен Руси такой государь, не его это место!

Бунко заставил себя подняться и произнес безжизненно, словно и не он говорил:

– Прости меня, княже, но я на службе у великого князя, и негоже мне слушать такие речи. Прикажешь убирать со стола?

– Убирай, – бросил Шемяка, смерив Бунка пронзительным взглядом: – И знай, когда буду на великом княжении, тебя не забуду.

– Прости меня, княже, – кланяясь, тихо сказал Бунко. Сердце его разрывалось.

Глава 15

Загадки вельможи

Тем временем князь Василий Васильевич собрал полки и отправился во главе их против Косого. Покидая Москву, он послал в Коломну гонца с приказанием расковать князя Шемяку. Но – и только. Князь Димитрий не был освобожден.

Полки двоюродных братьев и смертельных врагов сошлись под Ростовом. Василий Косой, недавно хитростью взявший Гleden, решил к ней прибегнуть вновь. Он попросил перемирия. Великий князь согласился, готовый снова простить Косого за ложь и разбой. Москвичи воспользовались передышкой и разъехались по окрестным селениям, чтобы пополнить запасы снеди. Этого только и ждал Косой. Немедленно он велел напасть на опустевший стан и захватить беззащитного, беззаботно спавшего великого князя.

Что пробудило его в этот самый момент? Почему он поднялся от полуденного привычного сна, вышел из шатра, осмотрелся? Истинное чудо спасло его. «Ненароком» оглядев горизонт, он увидел галопом скачущие прямо к нему ряды вражеских ратников. Они были еще далеко, но приближались с каждой секундой. А московский стан словно вымер. Пустые палатки окружали великого князя! Но он не растерялся.

Призывный, яростный звук боевого рога полетел над по-

лями, селами и лесами. Великий князь созывал своих. Это спасло его.

Москвичи подросли вовремя и спасли великого князя от позорного плена. Возмущенные бесчестным обманом, они наголову разбили полки неприятеля. Василий Косой был захвачен в плен.

Но ничего этого: ни великодушия великого князя, не хотевшего кровопролития и готового было снова простить Косого, ни смелости и решительности его в момент неотвратимой опасности – ничего этого не увидел и не узнал Бунко. По-прежнему он томился в Коломне на постылой службе тюремщика.

Лишь на исходе мая, когда и самые разговоры о мужестве великого князя успели иссякнуть, Бунко и Старков повезли Шемяку в Москву. Здесь ему предстояло новой грамотой подтвердить свою преданность великому князю.

«Преданность тому, – думал Бунко, – кто платил за верность неслыханным оскорблением, и за доверие – заточением». Ему казалось, что свет меркнет в его глазах. Старые раны его души раскрылись все.

А между тем его служба устраивалась прекрасно. Иван Федорович Старков, едва они вернулись в Москву, взял его под свое открытое покровительство.

– Такие-то, как ты, нам и нужны, – в минуту откровенности сказал он как-то Бунку. – Решительные, сильные... и не болтуны, – многозначительно добавил он, медленно несколь-

ко раз покачав перед собой крепким указательным пальцем.

Бунко озадаченно посмотрел на это, как будто что-то не разрешающее, движение руки, но не решился спросить, кому это – «нам»?

– Покамест я тебя определяю в жильцы, – продолжил боярин. – Ну, а там бы-ыстренько дальше пойдешь. Чем выше верные люди, тем лучше, – и он похлопал Бунка по плечу.

Бунко поклонился. Нет, он не чувствовал себя сейчас верным слугой великого князя. Но даже думать об этом было горько и стыдно. Однако надо же было что-то и отвечать. И он произнес, выпрямляясь:

– Я сделаю все, что смогу, Иван Федорович.

Боярин довольно улыбнулся:

– Не сомневаюсь.

И ни тот, ни другой – ни хитрый вельможа, ни простодушный молодой дворянин – так и не догадались, что ни один из них не понял другого.

Глава 16

Последняя капля

Так Бунко получил должность жильца и вместе с нею право входить в теплые сени палат великого князя. Именно здесь спустя недолгое время он увидел княгиню Анну Андреевну – молодую жену Косого. Она приехала на поклон к великому князю.

Дворяне, дежурившие в сенях, поднялись как один, как только она вошла. Смиренно облаченная в темное, она прошла, опустив глаза, в приемную великого князя. Ее неровная, неуверенная походка, бледное полуобморочное лицо, опущенное под гнетом горя и унижения, пробудили в Бунке острую жалость.

Княгиня скрылась за дверью, так и не подняв головы, покрытой черным убрусом⁶. Бунко медленно сел.

«Что происходит там, за закрытой дверью?» – пытался представить он. Как видно, в последнем отчаянии решилась молодая княгиня искать пощады и милости у своего врага, смертельного врага. Он опозорил отказом жениться ее несчастную тетку, он, поправ долг благодарности, обманул, оскорбил, ослепил ее деда – Ивана Всеволожа, он надругался над честью Косого, принародно отобрав у него драгоценный

⁶ Убрус – платок.

пояс – ее подарок на свадьбу, он всюду преследовал, гнал его, он пленил его, словно вора... Какими словами будет она просить его о милосердии?

Но вот дверь распахнулась – и появившийся на пороге дьяк быстрым взглядом окинул сени. Бунко был здесь самым младшим. Дьяк кивнул ему:

– Проводи княгиню к мужу. Знаешь куда? В Набережную палату, в подклет. Князь Василий Васильевич велит освободить его.

Он посторонился, пропуская княгиню Анну. Она словно не верила той надежде, что уже возвращала краски ее лицу. Бунко, понимая, какое оскорбление наносится ей сейчас таким провожатым, как он, в глубоком поклоне коснулся рукой ковра. В уголках ее губ дрогнула тень улыбки.

– Пожалуйста, – с почтением пригласил Бунко и распахнул перед нею дверь.

Как бы то ни было, а великий князь освобождал ее мужа, – и, указывая ей путь в запутанных переходах дворца, Бунко тихо радовался за нее, за Косого, за великого князя...

Хмурый тюремный страж выслушал приказ великого князя, бросил мрачный, короткий и странный взгляд на княгиню, сказал, угрюмо уставясь в землю:

– Извольте здесь подождать... – и быстро ушел.

«Странный человек», – подумал Бунко.

Княгиня стояла, стиснув в волнении руки.

Но вот тяжелая дверь открылась опять – и в темном про-

еме показался тюремщик, ведущий за руку князя.

«Почему за руку?» – удивился Бунко – и оцепенел.

Князь Василий Юрьевич шел, беспомощно-высоко подняв землистое худое лицо, на котором кровавыми воспаленными ранами зияли пустые глазницы.

Придушенный всхлип раздался возле Бунка. Он обернулся. Анна ладонями зажимала рот, и в наполнившихся слезами ее глазах кричал и метался ужас.

– Аня! Аннушка! – больным, неуверенным голосом позвал ее муж и жестом слепца протянул вперед свободную руку.

Анна не двигалась, не издала ни звука. Бунко увидел, как слезы двумя потоками полились из ее распахнутых, переполненных болью глаз.

– Аннушка! Где же ты?! – снова позвал слепец.

– Я здесь, – тихо отозвалась она, и в ее голосе не было слышно слез. Она приблизилась к мужу. – Я здесь, родной мой. Я с тобой. Сейчас поедем домой – сей же час. Все будет хорошо...

Василий протянул было руку, чтобы коснуться ее лица, но она, быстро перехватив ее и стиснув в ладонях, приникла к мужу, склонила голову ему на плечо. Он послушно обнял ее.

– Вот... видишь... – тихо сказал он и осекся.

– Ничего, – тем же ровным, ласковым голосом отозвалась она. – Самое страшное уже позади... Поедем домой... Дома так хорошо... Пойдем...

И она повела его за собой. И снова Бунко увидел, как неиссякающими ручьями струятся по щекам ее слезы. Князь крепко, двумя руками, держал ее руку. Взглянув на его пустые глазницы, на напряженное, детски-беспомощное лицо потерявшего себя человека, Бунко вдруг понял, что что-то в его собственной жизни рухнуло, оборвалось, словно разверзлась пропасть, увлекая его во тьму...

Он помог им разместиться в каптане, осторожно закрыл занавешенную дверцу, долго смотрел им вслед. Потом повернулся и зашагал, сам не зная куда. Что ему было делать с собой – таким, с надорвавшимся сердцем? Он не знал, как с этим жить. У него не было сил с этим жить. Не было сил ни на что.

– Эй! Бунко! Ты пьян, что ли? – словно сквозь плотный туман донеслось до него.

Бунко поднял глаза. Перед ним стоял Шемяка.

– Да что с тобой?! Болен? Так иди домой!

Бунко молчал. Он не мог говорить об этом сейчас. Князь Димитрий сам все скоро узнает.

Но Шемяка вовсе не ждал ответа. Он был чем-то очень доволен.

– А я новую грамоту подписал, – он ухмыльнулся. – Все! Теперь – вольный сокол! Уезжаю в Галич, домой. Еще проживем! Ну, прощай! Твоей службы я не забуду, знай.

Точно свет вспыхнул перед Бунком.

– Димитрий Юрьевич, возьми меня на службу к себе, –

будто падая в пропасть, выдохнул он. — Возьми меня с собой!

— А что ж! — усмехнулся Шемяка. — Поедем. Никто нам не запретит: мы с великим князем отныне в мире. Собирайся: завтра на рассвете отправимся в путь.

И весело ушел. Бунко посмотрел ему вслед. Да, он не мог иначе. Это был выход. Как служить такому великому князю?! Он — больше не мог.

Он отвернулся от княжеского дворца и быстро, решительно зашагал домой. Собраться и проститься со всеми. Возврата не было.

Глава 17

Окольничий князя

Ранняя зимняя ночь застала Бунка в пути, в снежном безмолвии соснового бора. Перестук конских копыт по плотному снегу наезженной колеи тревожно будил морозную тишину. Бунко, опасаясь волков, оглядывался вокруг, торопил коня. К счастью, конь его был вынослив и не очень устал, хотя и были они в пути весь день...

А какой это был день для Бунка!

Утром, в Москве, после войскового молебна, когда все готовы были двинуться в путь, Шемяка позвал его – и назначил своим окольничим. Это была такая честь! На мгновение даже страшно стало Бунку. Но лишь на мгновение. Он не будет, если понадобится, ни есть, ни спать, но выполнит все как должно. Князь убедится, что не зря положился на его исполнительность и усердие. Он обеспечит и ночевки, и провиант войску Шемяки, которому сам великий князь поручил пойти против татар, нагло засевших в Белеве.

Ни минуты не медля, Бунко взял с собой двух друзей – дворян из свиты Шемяки – и поскакал вперед: проверить путь, предстоящий полкам, подготовить ночлег. Стоял морозный снежный декабрь, дорога установилась – и они, как и хотел Бунко, проскакали без отдыха до Лопасни. Здесь молодой окольничий отыскал самый большой и высокий дом,

удостоверился, что внутри он так же хорош, как и снаружи – удобен, чист и просторен, – и что хозяин его – купец с хорошим достатком. Здесь он оставил обоих спутников подготовить все для ужина и для отдыха князя и свиты. Сам же он снова сел на коня и проехался по селу, сообщая всем о приближении войска. Жители, испокон веков как дорогих гостей принимавшие ратников, ехавших через их селения их защищать, поняли его с полуслова. Выезжая из Лопасни, Бунко с удовольствием видел деловитые хлопоты в большинстве дворов.

Что до него самого, то ему предстояло еще доехать до самой Оки, до Серпухова. Только проверив, нет ли там врага, он мог отвечать за спокойный ночлег русских полков.

В Серпухове звонили к вечерне, когда Бунко повернул назад. Он торопил коня. Наступала ночь. Вскоре бездна ночного неба засверкала над лесною дорогой звездной мерцающей россыпью. Где-то за лесом наливалась холодным светом еще невидимая луна. Бунко помнил, что за сосновым бором должно быть поле, а вскоре за ним – уже Лопасня.

Наконец стена вековых деревьев оборвалась, и перед ним распахнулось снежное голубое поле. Ветер подул сильнее, подгоняя, бодря коня.

Бунко не чувствовал усталости. Он был счастлив. Все спорилось у него в этот день, все удавалось. Подумать только, он – окольный князя! И это – в двадцать два года! Он о таком и не мечтал! Наконец, наконец-то он мог приложить

все свои силы, все рвение и умение, мог утолить свою жажду дела, жажду совершенной, полной самоотдачи в исполнении долга! Душа его, казалось, летела, опережая коня, над заснеженным полем, подзвездным бездонным небом, в волнах лунного света...

«Шемяка, – думал Бунко, – конечно же, погонит татар как овец, и все увидят, какой одаренный он полководец, как он умен, и талантлив, и смел, и все поймут, что он один достоин престола Москвы. И какое счастье служить тому, кем можешь гордиться! Через два-три дня, если позволит погода, мы будем возле Белева, и вот тогда...» Но тут он сам себя оборвал.

Погода! Он должен был и об этом подумать! Как тревожны были сегодня желтые переливы заката! Бунко нахмурился, пытливо всмотрелся в черное небо. Звезды неверно мерцали, будто перебегая с места на место, и в согласии с ними луна окуталась легкой зеленоватой мглой. Быть ветру, быть непогоде, пожалуй – и оттепели, а уж это хуже всего. Следовало немедленно доложить об этом Шемяке. До Лопасни осталось не больше поприща⁷. Не подвел бы конь!

Больше ничто не отвлекало Бунка от мыслей о службе...

⁷ Поприще – путевая мера; здесь: расстояние в один день пути.

Глава 18

Княжеский разбой

Подходя по лестнице к верхним сеням, Бунко услышал возмущенные голоса. Но, едва он вошел, сидевшие там жильцы князя Дмитрия Красного, брата Шемяки, сейчас же умолкли и – все трое – подозрительно и испуганно уставились на него. Это неприятно удивило Бунка, но выяснять, в чем дело, не было времени.

– Шемяка в горнице? – коротко спросил он вместо этого.

– Не-ет, – странно дрогнувшим голосом протянул один из жильцов. И добавил на резком выдохе, точно бросил змею: – Он в подклете.

Бунко решил не обращать внимания на странности людей князя Дмитрия Красного, молча кивнул и по боковой полутемной лестнице стал спускаться в подклет.

Вскоре странные звуки донеслись до него. Он остановился, прислушался и бегом бросился вниз. На площадке перед распахнутой дверью, куда падал неяркий свет из подклета, он задержался, заглянул в проем – и окаменел.

Он стоял перед дыбой.

Через мощную балку потолка была перекинута веревка, кто-то возле стены тянул за нее, и крики невыносимой боли вырывались у связанного, страшно изогнутого человека, чьи руки медленно, на глазах у Бунка, вытягивались из суставов.

Это был хозяин дома, купец! Днем он показался Бунку добрым, почтенным стариком. Что же он натворил?!

– Довольно пока, – раздался из полумрака голос Шемяки.

Веревка ослабла, и купец упал на колени. Голова его бес- сильно мотнулась, седые влажные пряди свесились на глаза.

– Ну! – воскликнул Шемяка. – Нешто тебе не довольно? Говори!

Купец качнул опущенной головой, прохрипел:

– Боле нет у меня ничего, князь. Все тебе отдал...

Словно черная бездна разверзлась перед Бунком.

– Опять! – возмутился Шемяка. – Кто же это поверит, что при таких-то хоромах у тебя в заглашнике – всего ничего! Говори, где у тебя серебро! А не то смотри, пеняй на себя!

Говоря, Шемяка вышел из тени и подступил почти вплотную к купцу, так что свет горевшей на столе возле дыбы свечи упал и на него. Лицо его было страшно. Алчность, ярость и злоба искажали его черты. Бунко задохнулся: он будто увидел беса.

– Нету... Помилуй... Нету более... ничего... – прохрипел купец утоптанной холодной земле.

– Ну что же: ты выбрал сам! – с издевкой проговорил Шемяка и бросил во тьму: – Григорий, давай!

В этот момент на лестнице позади Бунка раздались стремительные шаги. Бунко едва успел отступить – миновав его, молодая девица вбежала в подклет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.